

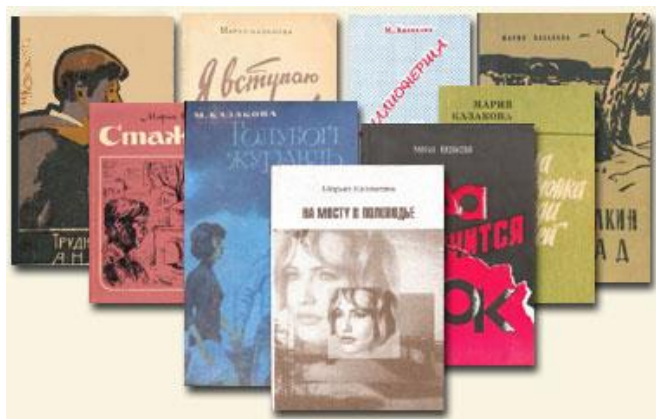
Мария Никитична Казакова



Казакова, Мария Никитична (р. 3. 08. 1918 – 11.11.2002 некролог)

Родилась в д. Выглядовка Дубенского района Тульской области в крестьянской семье. В 1936 году окончила Тульское педагогическое училище. С 1936 по 1939 годы работала учителем в Левенской сельской школе Крапивинского района Тульской области. С 1941 по 1947 годы сотрудник газеты «Коммунар», сотрудник Тульского областного радиокомитета «Волга» с 1949 по 1952 годы. В 1954 году окончила Тульскую областную партшколу. Была членом КПСС с 1951 года. Член Союза писателей СССР с 1964 года. Жила в городе Туле.

Мария Никитична Казакова родилась и выросла в деревне, по образованию педагог, и несколько лет работала в сельской школе. Эти два обстоятельства и определили направление ее творчества. Главная тема писательницы - молодежная. Свидетельство тому повести: «Я вступаю в жизнь», «Росла девчонка среди полей», «Трудно с тобой, Андрей», «Голубой журавль», «Миллионерша из Карамышино», «Потеряла я колечко». Они полны глубокого сочувствия по отношению к юным, самым уязвимым пленникам нынешнего сумбурного бытия, тревоги за их душевно-нравственное здоровье. Наиболее популярной у читателей оказалась в свое время повесть "Трудно с тобой, Андрей", она дважды издавалась массовым тиражом.



Потеряла я колечко.

Мария КАЗАКОВА

Повесть (Сокращенный вариант)

Майский вечер выдался на редкость погожий, и обширная поляна перед школой была запружена веселым молодым народом. Здесь была возможность соответственно своим вкусам неплохо развлечься. Хочешь - поиграй в волейбол, благо луна светит достаточно ясно; хочешь - спой частушки или спляши под гармонику Павлуши Тарунгаева; хочешь - покачайся, заняв предварительно очередь, на качелях. Гигантские эти качели стараниями молодого "головы" села Сергея Матросова были установлены накануне Первомайского праздника, и очередь жаждущих испытать это удовольствие все не убавлялась.

К стайке девчат, окружавших гармониста, подошла Марина Бочарова, молодая учительница. Поток развеселых частушек иссякал, и ей хотелось попросить Павлушку сыграть что-нибудь лирическое - хотя бы "Мой костер в тумане светит". Пора, наконец, побороть несносную свою застенчивость и испытать свой голос прилюдно.

Почти решившись, Марина подошла поближе к гармонисту, но тут, очень некстати, появился Федор Клюев. Как обычно в подпитии, отпихивает локтями каждого, кто встречался на его пути, - все кругом стихли, ожидая, что будет дальше. А дальше, скорей всего, он подойдет и рявкнет гармонисту: "А ну, давай плясовую! - схватит за руку первую, попавшуюся на глаза девушку. - Попляши со мной на пару, милашка". И никакая девушка не посмеет отказаться, даже если плясать не умеет, - с грубияна будет довольно и того, что она потопчется около него, но непременно чтоб улыбалась при этом.

Не дай бог попасться на глаза этому медведю, когда он в таком состоянии! Пригнувшись, Марина за спинами девчат потихоньку стала отступать в тень развесистой лозины, росшей неподалеку от качелей. С некоторых пор Федор стал явно отличать ее своим вниманием, весьма своеобразным. Повстречает где-либо на улице или в магазине, схватит за руку и молча глядит в глаза - до тех пор, пока ему самому не надоест. Бессмысленно руку вырывать, только синяков наживешь.

Убедившись, что Федор по-прежнему ее не замечает, Марина вышла из своего укрытия и направилась, было домой. ("Домой") означает обыкновенную деревенскую избу, в которой они жили вдвоем с Оксаной; хозяйка избы, вместе с маленькой дочкой, на неопределенное время уехала к мужу в Запорожье).

-Марина! - позвал ее кто-то сзади.

Она оглянулась: Василий Нестеров, ученик восьмого класса. Удивленная, она молча глядела на него: с чего бы он, самый примерный в своем классе, как в учебе, так и в поведении, так фамильярно к ней обратился? Василий, спокойно, и как-то уверенно улыбаясь, тоже молча глядел на нее, правую руку он почему-то держал за спиной

И случилось странное. Марина увидела его как бы впервые. На полголовы выше ее, широкоплечий, он выглядел ее ровесником. И лицо, с правильными, четко очерченными чертами, тоже не подходило пятнадцатилетнему подростку. Самое же удивительное было в том, что затянувшаяся пауза ничуть юношу не тяготила. Уверенная в себе благожелательная сила исходила от этого крепыша, и чуткие

струны девичьего сердца неосознанно отозвались на это обаяние.

- Ты хочешь мне что-то сказать?

- Вот, возьмите! - И он протянул ей ветку лозины, густо обсыпанную мелкими лимонно-желтоватыми цветочками, в Таинственном свете луны она казалась изваянной из неведомого драгоценного металла. И когда Марина взяла, прибавил:

- Со значением.

- Со значением? - невольно переспросила она, хотя знала, каково значение этого подарка.

Значение такое: разрешите проводить вас до дома. -

Он по-прежнему спокойно улыбался, будто ничуть не сомневаясь в благожелательном ответе.

«Это же будет смешно, если я позволю ему проводить себя до дому!» - мелькнуло в голове девушки.

«Меня все засмеют, и первая – Оксана». Однако вслух она сказала:

- Ну что ж, проводи, раз тебе так хочется.

Пока они шли, Василий ничуть не старался изобразить из себя развязного кавалера, больше помалкивал.

Когда, пожелав спокойной ночи, она стала подниматься по ступенькам лесенки на крыльцо, Василий удержал ее за руку.

- Я хотел бы, чтобы мы встречались...

- Это уж чересчур! - Она будто споткнулась на последней ступеньке.

- Почему? - Его голос был все так же спокоен и добродушен.

- Сам этого не понимаешь? Могу объяснить, какая между нами разница.

- Об этой разнице мы лучше поговорим завтра. - И снова не спрашивал, а утверждал.

Марина взошла на крыльцо, взялась за ручку двери.

- Завтра меня не понадобится провожать - весь вечер буду дома.

- Я приду и постучу в окно. - Не дожидаясь, что она ответит на это, повернулся и ушел.

Обычно Марина просыпалась поутру в нужный час сама - выработалась устойчивая привычка за два года, но в этот раз ее разбудила Оксана. Улыбаясь, сказала:

- Во сне ты лепетала невразумительно о какой-то ветке и каком-то провожатом. Признавайся, кто тебе снился?

- Не помню...

Сна она, действительно, не помнила, зато ей сразу вспомнился вчерашний вечер - не вечер, а чудеса в решете... С Оксаной они были вполне откровенны, делились всеми своими переживаниями, не дожидаясь расспросов, - впервые она захотела утаить то, что произошло вчера вечером. Постеснялась признаться, кто проводил ее до дома.

По пути в школу Марина внутренне посмеивалась над собой: недалеко ты видно ушла от пятнадцатилетнего подростка, если он столь уверенно вздумал поухаживать за тобой... Переступила порог школы, и все, что не касалось ее четвертого класса, как бы провалилось в небытие.

Народец этот, четвероклассники, и без того весьма непоседливый, к концу учебного года становился все более взвинченным, требовал внимания к себе самого неусыпного, не позволял отвлечься мысленно на что-то постороннее. Помимо того, в этот день она была дежурным учителем по школе - на переменах

надо было следить за порядком в коридоре, и хлопотливая эта забота окончательно вытеснила из ее головы впечатления вчерашнего вечера.

На обратном пути из школы мыслями молодой учительницы владело одно: когда же, наконец, Михаил Порфирьевич, директор школы, подпишет ее заявление об уходе с работы?

Начинало смеркаться, когда Марина села за стол проверять ученические тетрадки - последний диктант в этом году. И опять - в который уже раз! - это занятие ее расстроило. Ну и "грамотеи" эти проказники, особенно те, что сидят в четвертом классе второй год! Ошибка на ошибке.

Марина только что положила поверх общей стопки последнюю проверенную тетрадь, когда в окно тихонько постучали. Растворив створки окна, она выглянула наружу.

Василий Нестеров. Стоит себе и улыбается... Придется к нему выйти.

Когда она подошла к юноше, он не стал дожидаться, чтобы она заговорила первая. Заговорщицки сказал:

- Я собрался на лодке по Упе прокатиться. Хотите составить мне компанию?

- Прокатиться на лодке? - недоверчиво переспросила она. - Почти два года, как живу в Левенском, и ни разу ни одной лодки на реке не видела.

- Не видела потому, что Михеич, хозяин лодки, прячет ее, чтобы не угнали.

- Допустим, лодка у Михеича есть, ну и что из того? - Марина нарочно затягивала разговор, чтобы окончательно решиться: "составить компанию" Василию или же благоразумно отказаться?

- Прошлым летом я приохотился к рыбной ловле и сумел подружиться с Михеичем, самым заядлым рыболовом на всю округу.

"Приохотился к рыбной ловле"... Интересно, к чему этот парень еще приохотился? Кто самый активный абонент сельской библиотеки? Он. Кто в качестве лучшего рисовальщика оформляет школьную стенгазету? Кто победитель школы по многоборью? Кто на новогоднем школьном празднике превосходно сыграл роль Деда Мороза? Все он же. И это - в дополнение к тому, что Василий круглый отличник.

- Хорошо, согласна составить тебе компанию.

С лодкой никаких осложнений не возникло, и какие-то четверть часа спустя они уже плыли по спящей реке. Греб Василий плавно, без рывков опуская весла, лодка скользила как бы сама собой, лишь уключины слегка поскрипывали. Когда весла поднимались, с них - тоже неспешно - скатывались, похожие на серебряные шарики, капли и беззвучно поглощались водой. Зачарованно наблюдая за этими шариками. Марина как-то отстраненно думала о том, что почему-то она не испытывает никакого неудобства от того, что они оба молчат.

Она первая нарушила затянувшееся это молчание.

- Скажи, как ты ухитрился появиться в самый подходящий момент - когда я последнюю тетрадь проверила? Может, волшебное слово знаешь?

- Гораздо проще - просто минут десять подождал, когда все тетради проверишь, и уже тогда постучал.

- Ты ведь возле окна сидела, видно было.

"Как просто он на "ты" перешел", - отметила, как бы мельком, про себя Марина.

- Василий, ты вчера сказал: "Поговорим об этом завтра".

- Помню. Только нужно ли об этом говорить? Скажи, только честно: тебе скучно со мной?

Лукавить, когда так напрямую поставлен вопрос, Марина не хотела, да и не смогла бы - не научилась в свои неполные двадцать лет.

- Нет. Мне с тобой не скучно.

- Тебе не кажется, что именно это - главное? То, что между нами некоторая разница в возрасте, не существенно.

- Люди всегда все узнают, особенно в селе, и признаюсь, я, вряд ли решилась бы "составить тебе компанию", кабы не одно обстоятельство. Окончится учебный год - и я уеду из Левенского, так или иначе.

- Я слышал об этом.

- Наверное, и ты, поэтому и решился?

- Возможно, в какой-то степени. Я ведь тоже понимаю: люди, наверное, нас осудят, - юноша помолчал.

- А влюбился я в тебя месяца два тому назад, когда ты на сцене Маню-Марусю-Марго изображала...

- Марина, я знаю: ты хорошо поешь. Спой для меня.

- Что-то нет настроения... Ведь это ты пригласил меня прогуляться, а не наоборот.

- Хорошо, отложим пение до следующего раза. - Из них двоих гораздо более уверенно чувствовал себя он. Опустив весла в воду, сказал тихо: - Красиво здесь, правда?

У самого основания берега плакучие ивы доверчиво протягивали к воде свои длинные ветви-руки, будто умоляли о чем-то. Почему "плакучие", о чем умоляют воду? Может быть, им нестерпимо стоять все на одном и том же месте, и они просят унести в неведомую даль?

- Не хватает только одного - чтобы запел соловей. Давай подождем еще немного - может и запоет... Я знаю, они тут водятся - не раз слышал прошлым летом.

Эта просьба подождать напомнила Марине - пора возвращаться назад, эта нечаянно свалившаяся ей на голову волшебная прогулка и без того затянулась.

Домой Марина возвратилась на рассвете. Наружная дверь оказалась незапертой, и она порадовалась этому - не понадобилось поднимать Оксану с постели.

Однако не разбудить ее было мудрено, так как они вместе спали на одной постели. (В избе стояла лишь одна кровать, довольно просторная, для второй попросту не сыскалось бы места). Едва, озябшая, она прикоснулась к горячему боку подруги, как та сразу заворчалась. Ворчливо сказала:

- Могла бы и предупредить, что уходишь надолго. Я даже дверь не заперла - думала, может, ты к соседям зашла, вот-вот возвратишься. И с кем же, ты, голубушка, ночьку провела?

- Оксана, лучше завтра об этом поговорим.

- Сейчас и есть "завтра". Так с кем же?

- Я, конечно, могу сказать, с кем была. Но только если ты пообещаешь, что не будешь меня ругать...

- Неужто с Федором? - тихо ойкнула Оксана

- В укротительницы не гожусь! Нечего делать, придется сказать: я с Василием Нестеровым была.

Рывком, поднявшись на локтях, Оксана села и, как бы не доверяя собственному слуху, пристально вгляделась в лицо подруги.

- Может, ты с ума сошла? Ведь ему всего-навсего пятнадцать лет!

- Ну и что из того? Я же не собираюсь за него замуж.

- А интрижка тебе зачем? Тем более, с таким желторотеньким.

- Нет никакой интрижки! Просто Василий пригласил меня прокатиться" по реке на лодке, и перед таким соблазном я не смогла устоять. И он вовсе не желторотый!

- На лодке? Откуда она вдруг взялась?

- Василий сумел раздобыть, - Марина мечтательно улыbnулась. - Как будто угадал, что мне давно этого хотелось, что произошло вчера. Светит полная луна, речная вода, будто в расплавленное серебро превратилась, а по этой серебряной глади тихо скользит лодка, в которой сидят двое...

- Я очень хочу, Оксана, чтобы ты меня поняла. Неужели, будь на моем месте, ты отказалась бы от такой чудесной прогулки?

- Отказалась бы - не от самой прогулки, а от партнера! Зачем кружить голову мальчишке?

- Разве тебе неизвестно - у Василия разумная голова?

Язык у Марины совсем заплетался, и Оксане пришлось прекратить свои расспросы. Вот неразумная ее подружка, приняв излюбленную позу на правом боку, блаженно, всей грудью, вздохнула и стихла - так, будто самого дыхания лишилась.

Но вот Марина шевельнулась, ее губы произнесли нечто невнятное. Это перед тем, как окончательно провалиться в сон, она сказала себе самой: "А ведь Василий, кажется, признался мне в любви, как это я не обратила на это внимания?"

Марине казалось: она только что, какие-то несколько минут назад, уснула, а Оксана уже трясет ее за плечо.

- Немедленно подымайся! Я ухожу, и если ты не поднимешься при мне, можешь опять уснуть и опоздаешь на уроки. И она сдернула одеяло с Марины. Направляясь к выходу, Оксана у порога остановилась.

- Я не успела всего, что хотела, сказать по поводу твоего странного выбора. Ты подумала: что скажут люди?

- Вчера утром, Оксана, я и сама еще не знала, что вечером буду вместе с Василием кататься на лодке. Когда же мне было думать?

- У тебя для этого целый день впереди, так что подумай обо всем хорошенько. Совершеннолетняя учительница связалась с несовершеннолетним учеником - ведь это в общественном мнении скандал. Тем более, у Василия экзамены на носу.

- Обещаю тебе подумать. Хотя...

Марина, хоть и обещала ей подумать, но как-то у нее это не получалось. Сначала, как обычно, были уроки в» своем классе, потом директор попросил ее - из-за красивого почерка - переписать на бело расписание предстоящих экзаменов - не до отвлеченных было раздумий. А когда из школы возвратилась, не справившись с сонливостью, прилегла на постель и проспала чуть не до вечера. Тихий стук в окошко застал ее врасплох. Так или иначе, а выйти к нему придется.

- Василий, у меня сегодня нет настроения кататься на лодке! - торопливо сказала она, не глядя ему в лицо. - Так что ступай домой,

- Тебе, было скучно со мной?

- При чем тут скука? Просто не хочу кататься - и все!

- Не обязательно кататься, можно просто побродить. Хочешь, покажу тебе свои любимые местечки в окрестностях Левенского?

- Но ведь у тебя послезавтра экзамены начинаются, а к ним надо готовиться.

Взяв Марину за руку, юноша внимательно заглянул ей в глаза.

- Если тебе неинтересно со мной, то так и скажи. Впрочем, можешь не говорить - просто повернись ко мне спиной и уйди.

Она не повернулась к нему спиной и не ушла. Зачем, если им хорошо друг с другом? И вот снова они вместе плывут в лодке по реке. Первой, как и вчера, заговорила Марина.

- Ну, как, досталось тебе от матери, что вернулся домой на рассвете?

- А она не знает, когда я вернулся, - рассмеялся Василий.

Положив весла на уключины, Василий остановил лодку на том же месте, что и вчера, внимательно огляделся. Берег выглядел совсем иначе, нежели вчера - кустарник и "ночные красавицы" слились в единое неразличимое целое, плакучие ивы склонили к воде свои гибкие ветви-руки еще обреченнее и ниже. Все вокруг как бы затаилось в тревожном ожидании. Упы, и сегодня не посчастливилось услышать соловья.

- Хотелось сегодня доплыть до Редочей, но, как ни жаль, придется повернуть обратно, - сожалеющее сказал он. - По всему видно - разыграется непогода.

Марина присмотрелась: вчерашнее игривое серебро превратилось в нечто мрачно-свинцовое.

Очутиться в такой воде... И заторопила Василия - повертывай поскорее назад, пока дождь не хлынул.

Он приналег на весла, и скоро, освободившись от лодки, они уже сидели неподалёку от дома Михеича, довольно удобно устроившись на толстом древесном обрубке.

В определенный час она уже была на условленном месте (так, в целях конспирации, они решили прошлый раз - перестать стучать в окно), даже несколько минут "прихватила". Василия на месте не было. Прошло, по крайней мере, трижды по пять минут, а он все не появлялся. Это уж слишком! Марина уже подошла к своему дому - окно было освещено, и она остановилась в нерешительности. Появиться перед Оксаной вот такой униженной?..

Может, с полчаса она сидела на крыльце в ожидании, когда Оксана уляжется спать, когда "зазнайка несчастная" неожиданно появился. Подкрался неслышно сзади и положил ей на плечи руки.

Марина резким движением скинула их прочь.

- Что ты себе позволяешь!

- Не сердись. Я, ей-богу, не виноват! - В голосе ни малейшей нотки раскаяния.

Она сердито молчала, размышляя: немедленно подняться и уйти, или же все-таки выслушать его?

- Понимаешь, я был вроде как в заключении. Мама меня заперла в сарае.

- То есть, как это? - Марина повернулась к нему.

Очень просто: навесила замок на ворота сарая, когда я туда вошел. Навесила и сразу ушла - и все молча. Кто-то, наверное, подглядел, как мы вместе в лодке катались, и насплетничал маме.

- Так ты побывал в заключении? - Вполне это осознав, девушка от души расхохоталась. - Кто же тебя, бедного, вызволил оттуда?

Василий красноречивым жестом протянул вперед руки.

- Ты хочешь сказать, что сам сумел? Но ведь ты говорил: стены сарая без единой дырки.

- Так оно и есть. Чтобы в них лазейку сделать, пришлось бы до самого утра провозиться! Я другое придумал - кровлю расковырять...

Посмеиваясь, рассказал, как это было.

Если Василий, рассказывая о забавном этом происшествии, лишь усмехался про себя, то Марина не могла удержаться от смеха.

- Ну, как, прощаешь меня за опоздание?

От всей души! - Она чмокнула его в щеку. Марине захотелось посмотреть лисью нору, обнаруженную им прошлый раз, но только они подошли к оврагу, как начал накрапывать дождь. Пришлось им приютиться под навесом кровли сарая. Сделалось довольно-таки свежо; они невольно прильнули друг к другу, ощущая тепло своих тел и от ощущения благодетельного этого тепла неосознанно чувствуя себя счастливыми.

Юноша попросил: "Расскажи что-нибудь о себе".

- О себе? - Она задумалась. - Но в моей жизни яркого немного, боюсь, тебе будет скучно. До того, как я приехала сюда к вам, в Левенское, три года училась в педучилище, а перед тем, как и у тебя, было деревенское детство.

- Вот и расскажи о нем, о своем детстве. Я недавно прочел в одной книжке: каждый человек начинается с детства.

Марина зажмурилась, вспоминая. Оно было недавно, ее детство, помнилось отчетливо.

Ну, конечно же, осознанная жизнь начиналась для нее со звуков. Будто наяву отчетливо зазвучало: стрек-стрек-стрек...

И ожил, зазвучал недавний мир ее детства. Для каждой поры суток - свои звуки, своя непередаваемая музыка. Днем родная деревня гомонила на самые разные голоса, но при дневном свете они казались настолько обыденными, что как бы не задевали слуха. Совсем иначе было ночью. Песенка сверчка, петушиная перекличка, даже собачий - на разные голоса - брех приобретал таинственность, жадно воспринимались слухом. - Что ж, слушай...

Проснувшись от непонятного шума им, по привычке, взглянув, прежде всего на безмятежно постукивавшие ходики (они показывали половину двенадцатого) Марина сразу вспомнила: сегодня воскресенье, спешить незачем. Она зажмурилась, было с намерением поспать еще, но из чулана вышла Оксана и голосом, не терпящим возражений, провозгласила:

- Немедленный подъем!

- Но почему, Оксана! - жалобно взмолилась Марина. - Ведь в школу сегодня не идти.

- По двум причинам. Первая причина: почти, что готов завтрак.

- Но ты же знаешь: для меня предпочтительнее сон! - Марина, блаженно зевнув, нырнула под одеяло с головой.

- Не знаю, и знать не хочу - сядем за стол ее тобой вместе! Причина вторая: примерно через час тебя должна навестить Катерина Нестерова.

Известие было такого рода, что Мариной сонливости как не бывало - рывком приподнявшись на постели, села.

- Зачем она меня... навестит?

- Будто сама не догадываешься? - Оксана испытующе взгляделась в подругу. - Наверное, любая мать на ее месте встревожилась бы, как думаешь?

Марине сделалось не по себе. Почему-то ей не приходило в голову, что "любящая мать на ее месте встревожилась бы...". Что плохого в их вечерних совместных прогулках? Предполагать, что между нею и пятнадцатилетним парнишкой может быть что-то такое грешное - это же просто смешно!

- И что же, Катерина шумела?

- Настроена была пошуметь - это точно. Мы ее ней кое о чем поговорили, и, кажется, мне удалось ее немного успокоить.

И вот в ожидании нежеланной гостьи, подруги, убрав со стола остатки завтрака, расстелили на нем еще зимой купленную по талону в сельмаге светлую легкую материю, чтобы скроить из нее пару летних кофточек, - дошли, наконец, руки. Главное, скроить, а сшить поможет богатенькая соседка Лизавета.

- Оксана, так ты думаешь: Катерина будет шуметь?

- Я думаю: надо быть готовой к этому. Что ты хочешь от обыкновенной деревенской женщины, которая тревожится за своего сына-малолетку?

- Но чего ей, не понимаю, тревожиться? Второй экзамен он ведь тоже сдал, правда, на четверку.

- Тебе обязательно нужно подсказать, из-за чего мать Василия может тревожиться? - Оксана внимательно вглядывается в подругу. - Скажи, ты с ним целовалась?

Марина, от обиды и возмущения, густо краснеет.

- Оксана, как ты можешь такое подумать? Я что, по-твоему, ненормальная?

По-моему, вполне нормальная, хоть и наивная! - смеясь, отвечает подруга. - А Василий – мальчик очень симпатичный.

- И ты действительно думаешь, что с ним можно... - Марина, недоговорив, широко распахнутыми глазами смотрит на подругу.

Громкий стук в дверь заставляет Марину вздрогнуть - не скрывая испуга, она умоляюще взглядывает на подругу.

- Хорошо, к ней на крыльцо выйду я, - успокаивает ее та. - Если ты понадобишься, я кликну.

- Зачем вы вышли? - громко и возбужденно заговорила Катерина, однако с определенной долей уважительности. - Мне Марина нужна!

Почему бы для начала не поговорить со мной? - спокойно отвечает Оксана. - Марина ведь никуда не денется!

- А о чем с вами говорить? Ведь это не вы, а ваша подруга закрутила шарики моему несмышленьшу! Наступила пауза. Катерина, видимо, была озадачена таким приемом и на какое-то время растерялась. Оксана не замедлила воспользоваться этим, перехватила инициативу.

- Катерина Егоровна, вы, конечно, не всерьёз назвали Василия несмышленьшем?

- А кто же он, по-вашему, в свои пятнадцать лет?

- Если еще не знаете, то знайте: по своему умственному развитию с Василием не сравнится ни один взрослый парень в Левенском. Он, как вступил в комсомол - месяца три тому назад - стал посещать занятия сельского молодежного политкружка - знаете, наверное, в кружке нас всего двадцать пять

человек - пятнадцать сельских комсомольцев и десятеро нас, двух учительниц и старшеклассников. Политзанятия проводит второй секретарь райкома комсомола Ларичев - так вот, этот Ларичев не раз восхищался глубокими познаниями Василия. Даже знаете, что сказал? "Я мог бы хоть завтра принять тебя на работу пропагандистом".

- Спорить не буду: рассуждать он способен. Но ведь ум и разум - не одно и то же. Разум-то у него детский!

Любящая эта мамаша умела обороняться, за словом в карман не лезла.

- Скажите, Катерина Егоровна, чего вы собственно опасаетесь?

- Разве не понятно? Сама когда-то была молодой. Ночью на пару бродят неизвестно где, полная свобода - долго ли до греха? А ведь он сам ребенок.

- Катерина Егоровна, вы решительно не понимаете истинного положения вещей! Инициатива исходила вовсе не от Марины. Первым подошел к ней и высказал желание проводить до дома Василий. Он придумал заманчивые лодочные прогулки по реке - у Марины лишь не хватило духа от них отказаться.

- Все-таки чудно вы говорите! Вроде как Вася на поводу ее ведет, против ее желания.

Почему же против ее желания? Конечно же, Марина ему симпатизирует. Только разве он ей одной нравится? Одноклассницы Василия все, как одна, влюбленными глазами на него смотрят, знаете об этом? Катерина Егоровна, вы все выяснили, что хотели? Не стесняйтесь, говорите.

- С чего это вы взяли, Оксана Макаровна, что я стесняюсь? Передайте своей подруге вот что: если она девушка разумная, то ей надо бы моему сыну от ворот поворот показать.

- Вы уверены, что желаете этого? - не сразу отозвалась Оксана потеплевшим голосом. - Марина, конечно, может показать "поворот" Василию, но ведь это будет такое унижение для него! Неужели вы действительно этого желаете?

- Вы совсем меня с толку сбили, я и сама теперь не знаю, чего хочу! - почти крикнула Катерина.

- Не понимаю, зачем повышать голос? Голубушка, Катерина Егоровна, постарайтесь не омрачить своему сыну его первое юношеское увлечение - он вам будет очень благодарен.

Едва Оксана, распрошавшись в Катериной, вошла в избу, как Марина кинулась ей на шею.

- Какая же ты молодчина, моя дорогая подружка! Я и не подозревала, что ты такая умница! - приговаривала она меж поцелуями. - Как все верно рассудила, мне самой все разъяснила!

- Однако ты большая любительница целоваться! Начинаю сомневаться: правду ли я Катерине сказала, что ты ни разу не целовалась с ее сыном?

- Не сомневайся, правду сказала!

- Скажи, ты что, себя с ним сдерживаешь?

- Ничуть я себя не сдерживаю! Просто, наверное, все время помню, какая между нами разница. Да и Василий никаких таких попыток не делает... Знаешь, он такой замечательный! Ты правду сказала Катерине: я не могу перестать с ним встречаться, не могу его обидеть. Не страшен мне никакой скандал!

Марину разбудило легкое поскрипывание. Еще не совсем проснувшись, она полузакрытыми глазами глянула на окно и увидела нечто такое, что вмиг соскочила с постели.

На подоконнике, источая густой аромат, красовался пышный букет сирени.

- Какая прелесть! - не удержалась девушка от восторженного восклицания, окунаясь лицом в этот

пахучий разлив.

Она сразу догадалась от кого этот чудный букет - спозаранку поднялся, чтобы где-то его раздобыть.

Неудержимая радость, рожденная этой мыслью, усиливалась еще тем, что день за окном зачинался необычайно солнечный, необычайно яркий. Радость эта рвалась наружу - замурлыкав себе под нос нечто мажорное, Марина, с прижатыми к груди букетом, принялась пригнать на свободном пятке пола возле стола. Казалось, ничто не предвещало беды, которая, исподволь сгущаясь, грозила разразиться именно в этот сияющий день...

- Ты думаешь, это он положил?

- Не надо лукавить - ты ведь думаешь то же самое. - Оксана задумчиво помолчала... Ведь пришло же ему в голову такое: поздравить тебя с праздником Троицы!

...Никогда еще, казалось, уроки не тянулись столь томительно, медленно, как в этот день. Школьная площадь, на которой начал собираться народ, была вот она, рядышком, и ребята не столько сидели за своими партами, сколько вскакивали и заглядывали в окна. На третьем уроке их нетерпение достигло предела и, не доведя урока до конца, молодая учительница решила их отпустить. Классная комната опустела за считанные секунды!

Не было еще одиннадцати часов, а школьная площадь была уже запружена веселым народом, в основном, девушками. Кому не терпелось попеть и поплясать - сгруппировались около гармониста, однако большая часть их толпилась возле качелей. Марина, выйдя из школы, подошла к этой группе, довольно-таки шумной.

Как оказалось, Федор Клюев очень раззадорил любительниц этого вида развлечения - во всеуслышание заявил, что ни одна из них не сможет выдержать дольше десяти взмахов.

Казалось, он не замечал присутствия Марины, однако неясный внутренний голос подсказывал ей: это представление Федор разыгрывает для нее.

- А что, Марина Николаевна, может, и вы отважитесь испытать свои нервишки?

- Значит, уговор: десять взмахов?

- Да уж будьте спокойненьки!

И началось...

При первом же взмахе вверх Марина поняла: напрасно она рискнула, для этого достаточно было взглянуть на осветившееся злобным торжеством лицо Федора. Однако отступить было поздно, и она внутренне вся напряглась, чтобы достойно снести предстоящее испытание.

Сообразив, что вниз лучше не глядеть, девушка сосредоточила свое внимание на неожиданно пришедшей мысли: можно ли на вершине взмаха увидеть реку? Эта мысль помогала глушить нарастающее чувство страха. Сначала из-за купы деревьев, будто осколок зеркала, промелькнул перед глазами, но с каждым новым взмахом он все увеличивался и увеличивался - при этом машинально она вслух считала: второй, четвертый, шестой... При цифре "десятый" река во всю свою ширину - от берега до берега - пронеслась перед нею, и Марина, наконец, удовлетворенно глянула вниз - все кончилось, испытание на мужество выдержано.

Увы, это была обманчивая радость! - качели не останавливались. Напрасно Марина крикнула Федору про уговор - он не выпустил из рук веревки: возможно, не расслышал полузадушенных нарастающим

свистом слов, но, скорей всего, вошел в такой раж, что разумные слова уже не могли проникнуть в его сознание. Напарник его, видимо, был сотворен из того же теста, обожал вот такие - на грани жизни и смерти - забавы.

Теперь Марина, намертво вцепившись руками в веревки, смотрела не вдаль на речку, а на перекладину качелей. Сначала, когда взлет наверх достигал своего предела, перекладина была на уровне ее глаз, потом стала подниматься вниз, все ниже и ниже. Сколько еще понадобится взмахов, чтобы качели перемахнули через перекладину?..

В отчаянии, на спуске вниз, Марина глянула на толпившихся у качелей зрителей, которых все прибывало, - неужто не найдется никого, кто выручит бы ее из смертельной опасности?

"Все, это конец", - мелькнуло в голове Марины, и, прощаясь с этим миром, взглянула в сторону дома, где жил Василий... Но что это - неужели ее взгляд обладает волшебной силой? - Василий приближался к качелям.

Произошло неожиданное. Василий молча подошел к Федору, молча вырвал из его рук веревку. Федор не воспротивился, руки у него непроизвольно сжались в кулаки, но он медлил что-либо предпринять...

Василий, не обращая на него никакого внимания, стал останавливать качели, которые все еще носили Марину над землей.

Затаив дыхание, невольные зрители ждали, чем все кончится: кинется Федор на Василия или нет?

Может, и кинулся бы, но в решающее это мгновение в середину круга любопытствующего народца стремительно ворвалась Катерина Нестерова.

- Ты на кого нацелился, идол беспутный? На кого кулачищи свои хочешь поднять? - Катерина безбоязненно подступала к нему, подняв наготове руки. - Хочешь, чтобы я глаза тебе выпарала? Послышались удовлетворенные девичьи смешки. Первый в селе силач и задира, ни разу в жизни, ни перед кем не спасовавший, оробел перед женщиной...

- Сгинь с моих глаз, орясина ты эдакая! - выкрикивала Катерина, продолжая идти грудью на Федора. - Сей же момент сгинь, тебе говорят!

И "орясина" не выдержал этого натиска - смачно плюнув в сторону Василия, зашагал прочь от качелей. Удовлетворенно поглядев ему вслед, Катерина подбежала к сыну, ни слова не говоря, схватила за руку и потащила по направлению к дому.

Всеобщее внимание теперь устремилось на Марину. Качели почти, что прекратили движение, а она, не шевелясь, продолжала сидеть на них. Девушки нерешительно переглядывались: надо ли к ней подойти? Подобно сомнамбуле, Марина добралась до дома. И только тогда, при виде ни о чем не подозревавшей подруги, до Марины окончательно дошло, что она спасена. И наступила бурная реакция...

...Как и утром, она проснулась от легкого скрипа, но на этот раз скрипнула дверь. Раскрыв глаза, Марина увидела приближавшегося к ней в полумраке начавшихся сумерек Василия. Он почему-то виновато улыбался.

- Это ничего, что я пришел? Захотелось узнать, как ты себя чувствуешь. После того, что случилось. Марина потянулась под одеялом всем телом и ощутила, что, может быть, еще никогда в жизни она не чувствовала себя так хорошо, как сейчас. "Случившееся" сразу вспомнилось ей, но оно было уже в прошлом, вполне изжитом.

- Я чувствую себя хорошо. Ведь ты спас меня! За это я должна тебя поцеловать..., наверное, тайком от матери удрал?

- Не угадала, она меня отпустила.

"Она мне поверила"... Неведомое доселе чувство стеснило грудь Марины, она молчала, с каким-то боязливым, почти суеверным обожанием глядела на юношу. Если есть на белом свете совершенные люди, то это, конечно, он, Василий.

- Знаешь, на кого ты похожа?

- Узнаю, когда скажешь.

- На Лизу Калигину, героиню романа "Дворянское гнездо".

- В самом деле? - Марина полноценно рассмеялась. - И чем же?

- У тебя все такое... - Василий на мгновение запнулся, - тонкое.

- Как это понимать?

И наступил этот длинный июньский день, который - весь целиком - они прожили вместе.

Путь предстоял и не очень долог, и не короток - от Крапивны через засеку, в Дубенский район, где жили родители Марины, километров тридцать. Можно было не спешить, чтобы к вечеру добраться.

Лапушка - ладная каурая кобылка - с первых же шагов пустилась в путь столь резво, что пришлось ее даже сдерживать. Дольше ехать - значит, дольше вместе находиться. Ясное безоблачное небо обещало на весь день хорошую погоду, царство буйной первозданной зелени их окружало; густо-зеленые частые перелески перемежались с изумрудными нивами и многоцветными лугами; всюду вокруг порхали, перекликались на разные голоса многочисленные птахи...

Эти двое юных вполне прониклись красотой, их окружавшей; они не знали, что ждало их впереди, но смутно чувствовали: день этот неповторим, радостней, счастливей его, наполненного чистыми радостями, уже не может быть; жизнь выложилась сполна, даря его им., и они напитывались этой радостью, как пьют чистейшую ключевую воду.

Время, между тем, потихоньку как бы истаявало в лучах горячего солнышка; Василий первый вспомнил о его быстротечности.

- Марина, ты до сих пор так еще и не спела для меня. А ведь обещала.

- Не бойся, сдержу свое обещание... Есть у тебя любимая песня?

- Любимая? - он призадумался. - Не знаю что-то... Лучше ты свою любимую спой.

- Спую любимую песню моей старшей сестры Анюты, хорошо?

- И не дождавшись ответа, Марина затянула:

- Потеряла я колечко, потеряла я любовь...

Почему именно эта печальная песня пришла прежде всего, ей на память? Потом она не однажды об этом задумывалась: неужели уже тогда, в самый счастливый день своей жизни, она предчувствовала, что утратит свою только-только еще начавшую расцветать любовь?

При виде внезапно открывавшейся из-за поворота лужайки, почти сплошь утонувшей в зацветающих ромашках, Марина тихо охнула и соскочила с подводы. Через несколько минут она уже сидела на прежнем месте с охапкой ромашек и синих колокольчиков - теперь у нее появилось занятие: сплести себе венок.

Марина как раз успела надеть венок на голову, когда впереди показалась группа молодых женщин с граблями через плечо - они весело о чем-то гомонили. Увидев, кто ехал им навстречу, женщины сначала замедлили шаг, потом и вовсе остановились. Одна из них, с длинной русой косой и яркими синими глазами, видимо, самая озорная, шагнула с обочины на самую середину дороги и вынудила Лапушку остановиться.

- Эй, красивые, откуда вы?

- Но, Лапушка, трогай! - Василий пошевелил вожжами, и кобылка охотно потрусила вперед.

- Не потеряйте своего счастья! - донеслось им вдогонку. Это пожелала одна из подруг синеглазой, постарше и пострже на вид.

Нечаянная эта встреча пробудила в ее сердце неведомое до того чувство, явно похожее на ревность. Вот тебе и "мальчишка", в которого сходу влюбляются вполне взрослые синеокие нахалки! Понимая, что странное ее душевное состояние просто смехотворно, Марина нарочито весело и громко начала рассказывать о каком-то забавном происшествии.

- У тебя лучше получается, когда ты поешь.... Пожалуйста, спой еще для меня.

Мысленно она стала перебирать свой не ахти, какой богатый песенный репертуар. Надо было вспомнить что-то такое сродни чудесному сегодняшнему дню, ни в коем случае не печальное... Наконец-то.

«Между небом и землей жаворонок вьется, Неизбывною струей песня громко льется...»

Пела звонкую песенку про жаворонка и, странно, одновременно размышляла: почему он сказал опять "спой для меня"... Понимает, что наша разлука насовсем неизбежна, хочет сохранить в своей памяти именно вот такой - поющей о беспечной весенней птахе? Будто кто-то посторонний внутри нее это спрашивал и сам же отвечал: разве ты сама думаешь иначе, разве ожидаешь продолжения этой сказки наяву?

Вот и засека. Издали казавшиеся неприступной стеной, тесно сомкнувшиеся темно-зеленые великаны вдруг как бы расступились, чтобы принять их под свои своды.

- Как думаешь, грибы тут водятся?

- И лес не тот, и время года не то. В июне грибы редко, когда бывают - земля недостаточно теплая.

- А я все-таки поищу.

Марина стала снова от дерева к дереву, заглядывала под каждый кустик, питая надежду на чудо.

Почему бы милостивой судьбе не преподнести ей еще и этот подарок: хотя бы один-единственный гриб? "Если найду, все будет хорошо, - неясно проносилось у нее в голове. - Все устроится к лучшему".

Она устремилась к зарослям папоротника, чтобы сорвать несколько этих красочных опухал, но только успела нагнуться, как под ногами что-то зашевелилось, задвигалось. "Ежик!" - невольно вскрикнула девушка.

Марине захотелось увидеть головку занятного этого существа - уже сорвала ветку, чтобы с ее помощью пошевелить ежика, как над ее головой что-то прошелестело. Посмотрев вверх, увидела: на нижнем суку сидел крохотный рыжий зверек с пушистым хвостом и зыркал на нее глазками-бусинками.

- Василий, белка!

Юноша поторопился подойти. Оказалось, предвидя возможность подобной встречи, уходя из дома, он сунул в карман сухарь и вот теперь извлек его оттуда.

Неспеша положил сухарь на ладонь и, поцокав языком, протянул руку по направлению к белке. Та настороженно наблюдала за всеми этими движениями, не усмотрев, видимо, в них ничего враждебного для себя. Кубарем скатилась вниз по стволу дерева и замерла чуть повыше головы юноши, впившись своими бусинками в непонятный предмет, которым ее приманивали.

Юноша успел шагнуть лишь раз, чтобы оказаться к ней ближе, как белка взвилась наверх - лишь рыжий хвост мелькнул; спрятавшись в листве, часто-часто зацокала. Минуты три они простояли около дерева в ожидании и дождалась-таки: белка, видимо не сумев преодолеть своего любопытства, выглянула из листвы. Юноша проделал все то же самое, что и первый раз - цокал языком и протянул к ней руку с сухарем. Рыжуха в ответ тоже зацокала, но уже не так сердито, и спрыгнула на нижнюю ветку. Василий стоял не шевелясь; выждав какое-то время, белка решила на акробатический трюк. Скатившись до того же места, что и прошлый раз, вдруг прыгнула на его плечо и по протянутой руке добралась до ладони. То ли угощение показалось ей невкусным, то ли рука шевельнулась, только белка пренебрегла сухарем. Спрыгнув на землю, устремилась к соседнему дереву - юные путешественники, не удержавшись, побежали за ней следом.

Над Лапушкой вился целый рой крохотных крылатых хищников - бедняга ожесточенно махала хвостом, даже лягалась, отбиваясь от них, но, видимо, без особого успеха. Василий незамедлительно поспешил ей на помощь - сломив увесистую ветку, принялся отгонять кровожадную эту мошкарку.

Начало смеркаться, когда они добрались до места.

Первым заметил их брат Марины Алеша. Крепко пожав обоим руки, он всецело, казалось, занялся конягой, но Марина заметила: распрягая Лапушку, он исподтишка поглядывает в их сторону и, видимо, что-то такое соображает.

Позади у них было восемь совместных вечеров, но сейчас они оба понимали: то было не совсем то, что вот теперь. Просто им интереснее было вместе проводить те чудесные вечера - и только, как им тогда казалось. Попутно они невольно присматривались, привыкали друг к другу, но о чем-то наперед загадывать - этого не было.

- Неужели я внушаю тебе страх?

Должным образом, поняв ее молчание, он усадил ее на постель, обняв за плечи, привлек к себе. Марина не отстранилась.

- Поцелуй меня...

Она выполнила его просьбу - это был первый их поцелуй. Довольно неумелый. Девушка ощутила - губы у него очень горячие, но и только. У них обоих не было в этом никакого опыта. Потом Василий попросил полежать рядом с ним - поверх одеяла, одетыми, - она и эту просьбу выполнила. Вот тогда он и начал этот разговор, которого она втайне желала и вместе с тем опасалась.

- Марина, ты ведь понимаешь, что нам надо подождать?

- Чего подождать, милый? - Последнее слово сорвалось с ее языка как бы помимо ее воли. Впрочем, она не посетовала на себя за это - перед разлукой можно такое себе позволить, пусть в его воспоминаниях она останется нежной.

- Разве нужно объясняться? Подождать, когда я стану совершеннолетним. Ведь в настоящее время нам невозможно пожениться.

- Конечно, невозможно! - подтвердила Марина и невольно ухмыльнулась, на миг, представив себе, что они - муж и жена уже теперь.

...Они оба не могли знать, что ровно через год начнется Великая Отечественная война.

Эпилог

...На углу улиц Колхозной и Первомайской, наиболее бойком месте в городе, вихрастый, с озорными глазами подросток продавал ромашки. Протягивая прохожим небольшой букет, он весело возвещал:

- Продаю красоту! Деловые граждане, остановитесь на минуту, вспомните: наступило лето. Купите кусочек июньской красоты и поставьте дома на окно - гарантирую хорошее настроение. Не упустите счастливый случай!

День был воскресный, и прохожим особенно некуда было торопиться - мало, кто проходил мимо остроумного паренька равнодушно, многие приостанавливались. В числе этих неравнодушных была, и женщина лет тридцати, растроганно смотревшая на ромашки - грусть и радость одновременно выражались в этом взгляде.

- Может, они с той самой лужайки под Крапивной?

Женщина не была уверена, что не сказала этого вслух.

Память услужливо перенесла ее на десяток лет назад - вот в такой же сияющий июньский день, но неизмеримо более счастливый. Каждый год в пору цветения ромашек приходили эти воспоминания, являя тихую грусть и неизбывную благодарность судьбе за то, что он был в ее жизни - тот светлый ромашковый июнь.

Сколько всего вместили в себя ушедшие годы, и - в который уже раз! - снова растревожил сердце вопрос: права ли она была, поступив так, как поступила?

Все могло бы быть иначе, не произошли полтора месяца спустя после отъезда Василия встреча с Владимиром, новоиспеченным лейтенантом. Ее привлекло в нем сходство с Василием - не только во внешности, но и в увлечениях, привязанностях, к тому же он был ровня ей по возрасту, мог и хотел жениться - перспектива остаться старой девой ее вовсе не привлекала. Когда Владимир позвал ее к себе (он отбывал военную службу в военном городке на границе с Эстонией), она, не колеблясь, поехала.

Всего несколько месяцев побыла она замужем - разразилась война. Эвакуация, бомбежки, кавардашки вместо нормальной пищи, рождение сына через полтора месяца после начала войны... Кабы не помощь родных, не пережить бы ей всего этого ужаса.

- Тетенька, купите букетик, не пожалеете - до самого конца июня не завянут! - веселый голос продавца ромашек возвратил Марину в мир реальный.

В поисках мелочи она стала шарить в сумке, неожиданное восклицание заставило ее отвлечься от этого занятия.

- Марина Николаевна!

Девушка с длинной русой косой и симпатичными веснушками, на вздернутом носике смеющимися глазами смотрела на нее,

- Не узнаете? Нефедова, ваша бывшая ученица.

- Узнать тебя трудновато. И, что же, ты по-прежнему такая же болтунья? - с невольной улыбкой отозвалась Марина. - Лучше расскажи о Левенском. Как теперь там?

Этот вопрос вырвался у Марины как бы помимо ее воли, в неизъяснимом душевном состоянии. Она как будто шагнула на тонкий лед, под которым таилась пугающая глубина. Прежде, всякий раз, как являлось это желание - узнать "как теперь там", - она суеверно гнала его прочь - зачем ворошить то, что ушло безвозвратно? Сейчас же противиться этому желанию оказалось выше ее сил.

- Теперь в Левенском стало совсем-совсем не то, что было прежде, перед войной... - Лицо девушки омрачилось. - Тихо стало, как на кладбище, ужасно скучно. Школьная площадь в пустырь превратилась, на ней одни только развалины от школы виднеются, тоску наводят. По вечерам, даже в теплую летнюю погоду, все, как сурки, по домам сидят.

"Маша-болтунья умеет выражать свои мысли довольно-таки складно", - отметила машинально про себя Марина. На самом кончике ее языка трепетал жгучий вопрос, она страшилась произнести его вслух.

- Марина Николаевна, а про Василия Нестерова вы тоже ничего не знаете? - как бы угадав этот вопрос, вдруг спросила Маша.

- Не знаю.

- Василий тоже погиб.

Марину будто ударили по ногам - она медленно стала оседать; не поддержи ее Маша - упала бы. Господи, да на вас лица нет! - всполошилась девушка.

- Как же это произошло? - тихо спросила Марина после того, как довольно долго они просидели молча. Она изо всех сил сдерживалась, чтобы от нестерпимой сердечной боли не завопить в голос. Точно не могу сказать, но говорят: он добровольцем пошел. Его сразу зачислили в какое-то краткосрочное военное училище, а в сорок третьем он уже погиб. Представьте себе - в чине капитана.

- в сорок пятом, ему было двадцать два. «Отмечен перстом Всевышнего» - вдруг всплыло в памяти Марины. Марина сумела-таки жестокую свою боль донести до дома, и только переступила порог - она прорвалась неудержимо. Она рыдала так, что казалось: вот-вот разорвется сердце... Тонкий лед проломился, кинув ее в темную ледяную глубину. Реакция столь бурная неизбежно должна была смениться изнеможением - к вечеру Марина забылась коротким сном. Очнувшись, она долго лежала не шевелясь, не раскрывая глаз. Через распахнутое окно, возле которого она лежала, в комнату беспрепятственно проникали уличные шумы - они не достигали ее слуха. Она прислушивалась к своему сердцу - как могло оно так обмануться? Почему только лишь вчера до него дошло - то, что связывало ее с Василием, была вовсе не прелюдия любви, как полагала Оксана, а самая настоящая любовь.